

Наш фольклор живуч. Несмотря на самые пессимистические прогнозы, в деревнях еще поют песни, слова и мелодии которых уходят корнями в глубь веков. Однако источники народного творчества могут иссякнуть. И где потом услышишь оригинальную музыку, в которой черпали вдохновение «Песняры» Мулявина?

Бабушки из Полоцкого района, заснятые в 1980-е годы, кое-что успели напеть этнографам. Но большую часть репертуара унесли с собой...

Вслед уходящей натуре

Файлы

До востребования

Олег Хоменко, лидер группы «Палац», может быть, последний, кто слышал песню «Комоедица». Ее исполняют во время одноименного праздника, связанного еще с первобытными верованиями в медведя. Недалеко от Полоцка Хоменко обнаружил, по подсказке знакомых ученых, старушку, которая напела загадочную мелодию и объяснила смысл слов. Олег говорит, что вряд ли где-то еще исполняют это «доисторическое» произведение. Так что запись, которую сделал музыкант, возможно, последняя. Она теперь хранится в компьютере дома у певца. Только бы не затерялась среди других файлов...

Так произошло с наследием «Песняров». Владимир Мулявин с Игорем Лученком ездили в экспедиции, слушали бабушек. В то время еще крутились бобины, звуки писались на пленку. Потом что-то из этого в обработке становилось композициями, которые мы до сих пор слышим со сцены. Но большинство записей пропало...

Олег Хоменко задается вопросом: «А кому через 50 лет будет интересна эта «Комоедица»? Будет ли востребован кем-то файл в моем компьютере?» Хороший вопрос. Но еще несколько лет назад в деревне Семежево Копыльского района только вспоминали о некогда популярном у них обряде «Колядные цари». Забыли его в свое время. А потом приехали в село фольклористы, попросили вспомнить традицию — и теперь она всемирно известная, в списке ЮНЕСКО. Валентина Гладкая, руководитель ансамбля «Неруш», приводит этот пример как свидетельство живучести фольклора: «30 лет назад тоже многие предупреждали: умирают бабушки, скоро нечего будет слушать, записывать. Но мы и сегодня ездим

Фонотека на дому

Оптимизм Валентины Федоровны объясним. Но она и сама понимает дру-гое: «Сохранение песенного наследия в деревне во многом зависит от государства. То, что на высоком уровне празднуют «Дажынкь», отмечают Коляды, людям подсказывает: это престижно. И фольклор продолжает жить».

Ансамбль «Неруш» работает при БГУ. Подпитывают свое творчество участники фольклорного коллектива тем материалом, который собрала в свое время их руководитель. «А еще много записей передала мне исследовательница Татьяна Варфоломеева. У меня их столько, что далеко не все идет в работу», — у Гладкой огромная коллекция. Как и Хоменко, хранит она ее дома.

Все записи, которыми владеют музыканты, существуют, между прочим, в единственном экземпляре. Валентина Гладкая за собственные средства переводит свою коллекцию с кассет в «цифру». А единого фольклорного центра у нас, к сожалению, нет.

Сектор памяти

Если бы такой центр существовал, то специалистам, работающим с аутентичной народной музыкой, не нужно было бы искать редкие песни по всей стране. Конечно, и Хоменко, и Гладкой важно услышать звучание оригинала, чего

не заменит никакая запись — ни аудио, ни видео. Сегодня отыскать мелодию, без искажений дошедшую с XIX века, все еще возможно. А спустя несколько десятков лет записи, добытые в экспедициях начала нынешнего столетия, не говоря уже о собраниях «бабушкиной» музыки, сформированных в советское время, будут цениться на вес золота. Город «съедает» деревню, хранительницу старых мелодий. Только за последние 10 лет сельское население сократилось на 10 процентов. Стало меньше носителей настоящего, живого, а не книжного белорусского языка, способных в оригинале передавать поэтическое наследие предков из уст в уста и сочинять что-то свое.

Вскоре единственным местом, где еще можно будет услышать голоса уже умерших носителей подлинного фольклора, станет Националь-

ная академия наук. Здесь, в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора есть сектор сохранения фольклорного наследия. Возглавляющий его Михаил Михайлец даже не сразу готов назвать, сколько здесь хранится бобин с бабушкиными песнями. Но точно знает, что фонотека была основана в 1958 году. Сегодня она занимает четыре шкафа. Впрочем, прослушать записи пока проблематично. В институте есть два бобинных магнитофона. Но один сломан, а починить его сложно. Еще меньше найдешь магнито-

на, а тем более магнитофон. В академии наук, в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора есть сектор сохранения фольклорного наследия. Возглавляющий его Михаил Михайлец даже не сразу готов назвать, сколько здесь хранится бобин с бабушкиными песнями. Но точно знает, что фонотека была основана в 1958 году. Сегодня она занимает четыре шкафа. Впрочем, прослушать записи пока проблематично. В институте есть два бобинных магнитофона. Но один сломан, а починить его сложно. Еще меньше найдешь магнито-

ботающие с фольклором. Вячеслав Шарапов, директор и худрук Белгосансамбля «Песняры», не имея под рукой ничего из собранного Владимиром Мулявиным, сам с ребятами ездит в экспедиции. Последние вояжи были на Лоевщину и Витебщину. Шарапов считает, что важно не только услышать музыку, но и увидеть ее исполнительниц. А еще лучше — исполнителей. Ведь «Песняры» — мужская группа. А найти деда, который бы напел что-то из аутентичного народного репертуара, еще сложнее, чем бабушку. Впрочем, об академическом архиве Вячеслав Вячеславович слышал, но не заглядывал туда, хотя офис его группы и Института искусствоведения расположены на двух концах одной улицы — Сурганова.

А вот Владимир Мулявин, свидетельствуют старожилы Академии наук, частенько у них бывал. И даже плакал, слушая бобины с бабушкиными песнями... По сей день приходит сюда работать Иван Кирчук.

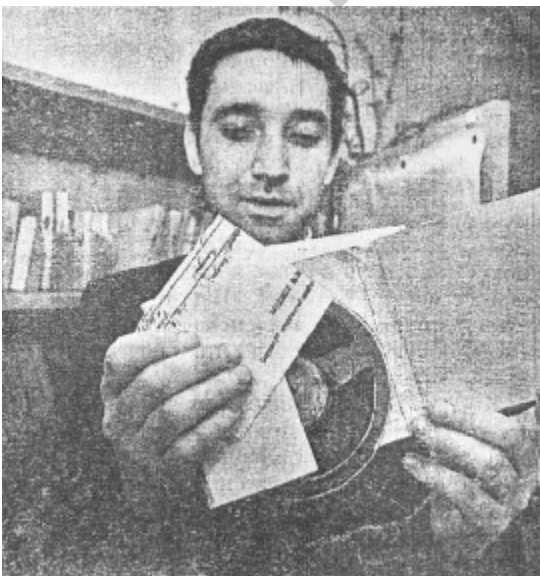
Кроме академического центра, есть лаборатория фольклора при филологическом факультете БГУ с огромными «залежами» бесценных материалов — говорят, даже больше того, что хранится при НАН. Причем полно там не только аудио-записей, но и рукописных сборников песен. А в Институте искусствоведения уцелели блокноты этнографов, выезжавших в экспедиции еще до революции!

Михаил Михайлец видит проблему не в том, что фольклорное наследие «разбросано» по разным учреждениям: «Это даже хорошо, что есть несколько центров, где собирают и изучают наше песенное наследие. Но вот беда: в регионах этому делу не всюду уделяют должное внимание. Так, при гомельском и полоцком университетах собраны прекрасные коллекции, а в Гродно и Могилеве практически нет своей базы данных».

Тем временем в Академии наук собирают не только белорусский фольклор. Ученые изучают творчество цыган, поляков, проживающих в нашей стране. В последние годы появились в фонотеке и файлы с записями песен белорусов Сибири. Продолжается издание серии книг «Белорусское народное творчество» — самого большого среди европейских наций «собрания сочинения» тысяч трансляторов фольклора.

В народных песнях сокрыты многие загадки нашей национальной души. Ученые до сих пор открывают в них следы забытых мифов и преданий — по каждому слову, по каждой ноте. Однако бабушки и дедушки, способные воспроизвести этот эпос в оригинале, уже уходящая натура. И их голоса надо не просто собирать и хранить записи в шкафах, а сделать так, чтобы они продолжали звучать.

Виктор КОРБУТ, «СБ».

К бобинам, которые держит Михаил Михайлец, возможно, прикасалась рука самого Мулявина.

Валентина Гладкая записала столько песен, что их хватит не на одно поколение исполнителей фольклора.

Тем временем одна сотрудница на единственном аппарате успевает оцифровать всего 2 бобины за 3 — 4 месяца. Выручает то, что академические ученые дотошны: из экспедиций привозили аудиоматериалы, а потом расшифровывали их — перепечатывали тексты, а порой снабжали и нотными записями. Михаил Анатольевич очень надеется, что когда-нибудь в штате института появится музыковед, который вновь займется этой работой.

Полное собрание сочинений

Вопрос не только в том, насколько востребован будет академический архив в будущем, а пользуются ли им сегодня, кроме ученых, и музыканты, ра-